

УДК 343.26(571.51):94:3/.4(47)

А. А. Иванов

*доктор исторических наук, профессор,
Сибирская академия права, экономики и управления*

ИРКУТСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

На основе широкого круга исторических источников, многие из которых вводятся в научный оборот впервые, показана разносторонняя жизнь колонии политических ссыльных г. Иркутска и Иркутской губернии в годы Первой мировой войны. Автор обосновывает тезис о том, что с началом военных действий большинство ссыльных встали по отношению к войне на интернационалистические, а не оборонческие позиции, выступили за ее прекращение и скорейшее заключение мира. Свое отношение ссыльные стремились довести до демократических слоев губернии, используя для этого возможности легальной и нелегальной печати, работу в конспиративных политических и творческих объединениях, союзах и кооперативах. Подробно рассмотрены вопросы структуры, численности, размещения, социального состава и образовательного уровня политических ссыльных, показана организация их массового отъезда в марте 1917 г. в города Европейской России, а также обозначена роль оставшихся ссыльных в создании органов Советской власти в Иркутской губернии.

Ключевые слова: политическая ссылка; Первая мировая война; Иркутск; Иркутская губерния; социал-демократы; социалисты-революционеры; нелегальная деятельность; периодическая печать.

А. А. Ivanov

*Dr. habil. (History), Professor,
Siberian Academy of Law, Economics and Management*

IRKUTSK POLITICAL EXILE DURING THE WORLD WAR I PERIOD

On the basis of a wide range of historical sources, many of which are introduced into scientific circulation for the first time, versatile life of a colony of political exiled in Irkutsk and Irkutsk Province in the years of World War I is shown. The author gives reasons for the thesis that from the beginning of military operations the majority of the exiled took an international stand in relation to the war rather than a defensive one, gave their support to its termination and the fastest conclusion of peace. The exiled tried to bring their attitude to the democratic segments of the province using for this purpose the possibilities of legal and illegal press, the activities in secret political associations and creative associations, unions and cooperatives. Detailed considerations are given to issues of structure, placement, social composition and educational level of the political exiled, alongside with the facts of their mass departure in March, 1917, to towns of European Russia, while identifying the role of the remaining exiled in establishing the Soviet Power bodies in Irkutsk Province.

Keywords: political exile; First World War; Irkutsk; Irkutsk Province; social-democrat; socialists-revolutionists; illegal activity; periodicals.

Тяготы Первой мировой войны испытывал на себе и далекий от фронта тыловой Иркутск — уже в начале 1915 г. в городе появились раненые, беженцы, мирные жители западных районов, высланные с территорий предстоящих военных действий (поляки, евреи, немцы). В губернии быстро дорожали продукты питания, с прилавков магазинов бесследно исчезали товары первой необходимости.

Война обострила противоречия во всех слоях общества, усилила борьбу рабочих с предпринимателями за свои права, многократно увеличила про-

пасть между богатыми и неимущими, подлежащими набору в действующую армию и имевшими возможность избежать призыва, ужесточила и никогда не прекращавшееся противостояние между трудом и капиталом, авторитарным государством и обществом. При этом фактором, заметно повлиявшим на эти процессы в губернии, выступала политическая ссылка, непрерывно оседавшая здесь с 70-х гг. XIX в.

Усилению роли ссылки в общественно-политической жизни Прибайкалья в годы мировой войны способствовал ее быстрый рост. Так, если в 1910 г. на территории губернии (вместе с Тункой, относившейся к Иркутскому району) отбывало наказание не менее 1 952 революционеров, а в 1912 г. — 2 850, то в 1915 г. — уже 4 034, а к концу 1916 — началу 1917 гг., по крайней мере, — 7 113 чел. Иркутская губерния таким образом и в период войны, как и раньше, продолжала оставаться центром сосредоточения сибирской политической ссылки [18, с. 210–219].

В годы Первой мировой войны политические ссыльные, отбывавшие наказание на территории Иркутской губернии, делились на три основные категории: ссыльные по приговорам суда, поселенцы после отбытия каторжных работ и ссыльные, отправленные административным порядком. Численно преобладали сосланные по постановлению суда — 4 508 чел. накануне Февральской революции (по подсчетам Н. Н. Щербакова). Таких ссыльных администрация губернии старалась размещать подальше от Иркутска — в Киренском, Верхотленском, а также Балаганском и Нижнеудинском уездах. Ссыльнопоселенцы лишались избирательных прав, чинов и званий, не могли заниматься общественной и педагогической деятельностью, были существенно ограничены в выборе места работы или службы, имели большие сроки наказания.

Помимо ссылки по суду в эти годы продолжала практиковаться и ссылка административным порядком. Она назначалась на определенный срок (от 2 до 5 лет) по решению Особого совещания при министре внутренних дел и губернских правлений тех территорий, которые объявлялись на военном положении или положении чрезвычайной и усиленной охраны. До 1911 г. основной поток административно-ссыльных направлялся в Западную Сибирь, затем значение Западной и Восточной частей как мест ссылки почти сравнялось. Административные ссыльные не «поражались» (ограничивались) в правах и званиях, могли и в местах причисления заниматься творческим трудом, свободно вели переписку с родными и близкими в Европейской России, получали от казны пособие на питание, зимнюю одежду и обувь. Именно такие ссыльные селились в Иркутске и уездных центрах. К концу 1916 г. в пределах губернии по тем же подсчетам было поселено не менее 2 290 административных ссыльных.

Политические каторжане на территории Иркутской губернии размещались исключительно в Александровской центральной тюрьме, которая служила не только местом постоянной изоляции, но и выполняла роль этапной для революционеров, следовавших в Якутскую область и северные уезды Иркутской губернии. Особую роль в изоляции политических противников государства по-прежнему играла Нерчинская каторга: революционеров размещали в Акатуевской, Алгачинской, Зерентуйской, Кадаинской, Казаковской, Кутомарской и Мальцевской тюрьмах. После Александровского централа и тюрем Нерчинской каторги каторжане, как правило, попадали на поселение в Якутскую и Забайкальскую области. Сюда же прибывали на вечное поселение и все осужденные Иркутской и Омской судебными палатами, военно-окружными и временными военными судами Омского, Иркутского и Приамурского военных округов. По воспоминаниям современников — участников Февральской революции в Иркутске, в Александровском центре к началу 1917 г. было сосредоточено не менее 315 политкаторжан [13, с. 75].

Как видим, структура политической ссылки оставалась прежней, сложившейся здесь с 1880-х гг. Вместе с тем уже с начала 1915 г. среди высланных в пределы губернии появилась новая категория — так называемых «военных» ссыльных, отправленных сюда административным порядком с территорий военных действий на основании правил военного положения. Такие ссыльные, по оценке одного из уездных исправников, являли собой «более спокойный элемент, нежели политические» и от них «нельзя было ожидать каких-либо насильственных действий», однако во избежание сговора и тех, и других следовало размещать раздельно [8, с. 274].

«Военные ссыльные» к революционной ссылке имели весьма отдаленное отношение, но их численность в этот период нередко превышала количество политических ссыльных. Так, например, на 1 июля 1915 г. под гласным надзором полиции в Нарымском крае из 2 746 чел. 2 599 были высланы в порядке ст. 19 Правил военного положения. На 1 января 1916 г. таких ссыльных здесь было уже 2 638 из 2 779 [Там же, с. 309]. В Иркутскую губернию «военных» ссыльных направлялось значительно меньше (на 1 января 1916 г. — 660 чел.¹).

В годы войны политическая ссылка претерпела существенные качественные изменения. Здесь по-прежнему оставались революционеры, получившие «вечные» сроки после событий 1905–1907 гг., однако основная масса высланных административно на 2–5 лет закончила свое пребывание и выехала на родину, их сменили участники выступлений 1910–1914 гг., пришедшие в движение сознательно, а не захваченные общим стихийным потоком первой революции. Отсутствие масштабных выступлений в армии и на флоте сократило число каторжан.

Изменения произошли и в партийном составе политической ссылки. Согласно анкете Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, охватившей 794 чел. из Иркутского землячества, большая часть ссыльных, размещенных на территории губернии в тот период, принадлежала к социал-демократам — 41,2 %. Второе место занимали представители эсеровских организаций — 33,9 %. Число анархистов было незначительным и составляло 6,4 %. Чуть больше 20 % приходилось на ссыльных представителей других партийных формирований, прежде всего, бундовцев, серповцев, белорусских «громадовцев», армянских «дашнаков», польских социалистов и т. д. Учитывая, что анкетирование проводилось в 1931 г., когда по стране уже прокатился целый ряд процессов над бывшими эсерами и принадлежность к этой партии могла стоять бывшему «царскому» ссыльному жизни, есть основание предположить, что представителей этой партии в Иркутской губернии было больше, а социал-демократов, наоборот, меньше [17, с. 251–256].

Главной фигурой политической ссылки, в том числе и в Иркутской губернии, стал рабочий — 348 чел. из 794 обследованных (43,8 %). Число ссыльных из служащих было значительно меньшим и составляло лишь 194 человека или 24,4 %. Большинство рабочих представляли крупные фабрично-заводские предприятия горняков и железнодорожников Украины, Прибалтики, Москвы, Петербурга, Урала. Национальный состав ссылки отражал ведущую роль русских людей в радикальном оппозиционном движении — 49,4 % осужденных. Далее шли евреи — 21 %, латыши — 7,4 % и поляки 6,2 % [Там же].

Коренные преобразования состава политической ссылки привели и к резкому изменению ее образовательного уровня. На смену интеллигенту, имевшему высшее образование, закончившему гимназию или училище, в ссылку пришел малограмотный пролетарий — согласно подсчетам Р. Штульмана, 49,1 % членов иркутского землячества имели, как указано в анкете, «низшее» образование и лишь 9,4 % — высшее [Там же, с. 250]. Данные в целом по Сиби-

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 600. Д. 339. Л. 22.

ри еще более показательны — 56,1 % ссыльных с «начальным» и только 5,7 % с высшим образованием [16, с. 94].

Трудные условия жизни в Сибири, необходимость постоянного преодоления материальных и бытовых проблем способствовали объединению, сплочению ссыльных. В местах скопления осужденных революционеров всегда возникали внепартийные объединения, коммуны со своим уставом, выборным исполнительным органом, денежным фондом, кассой взаимопомощи, столовой, библиотекой или «общественной квартирой». Такие организации принимали прибывших в ссылку товарищей, помогали найти жилье, оказывали первую материальную помощь, связывали с представительствами Красного Креста в России и за рубежом, организовывали учебу и досуг.

Помимо Иркутска, наиболее крупные колонии ссыльных в годы Первой мировой войны сложились в Бодайбо, Братске, Витиме, Жигалово, Зиме, Качуге, Киренске, Манзурке, Нижнеилимском, Тулуне, Усть-Куте, Усть-Уде, Черемхово, а также Тунке. Колонии в Киренске, Черемхово, на приисках Бодайбо доходили до 200–300 чел., в Качуге, Манзурке, Усть-Уде, Казачинском, Тунке одновременно проживало до 100–150 «политиков».

Основная масса ссыльных жила бедно и постоянно нуждалась. Надо иметь в виду, что поселенцы существовали в ссылке исключительно собственным трудом, административные же получали небольшое денежное пособие от казны, размер которого зависел от региона, происхождения и образования ссыльного (университетский диплом давал ощутимую прибавку), составляя в годы Первой мировой войны от 10 до 20 р. ежемесячно, что, с учетом дороговизны и хронического недостатка рабочих мест на севере губернии было крайне незначительным.

Потребность в хлебе заставляла политических братья за любую работу. Большая часть из них зимой перебивалась поденным заработком у крестьян, летом составляла бригады пильщиков дров, заготовителей рыбы или орехов. Хорошо известны примеры объединения политссыльных на Лене в артели грузчиков. Например, самая крупная — витимская артель — насчитывала в годы войны до 100 «политиков». Многолюдными были артели в Жигалово (до 70 чел.), Киренске, Усть-Куте, Качуге. Тяжелый труд, необходимость борьбы за существование сближали ссыльных различных партийных программ, национальностей, социального происхождения.

Труд грузчика оценивался сравнительно высоко: в день можно было заработать от 6 до 10 р., за сезон — 200–250 р. и «тянуть» их затем весь год. Общий заработок в артели всегда делился поровну. Рабочий день продолжался 12–13 ч. Грузчики работали «конвейером»: после 10–15 «ходов» с парохода на пристань и далее в склад — непродолжительный перерыв, «закурка», затем опять погрузка. Несмотря на кажущуюся простоту такой работы, люди, непривычные к ней, падали от усталости, их освобождали от «очереди», давали несколько лишних минут отдыха [1, с. 90].

Повсюду, где селились ссыльные, они давали уроки, готовили к экзаменам, обучали грамоте детей и взрослых. Как вспоминал П. Пономарев, только в Иркутской губернии в годы войны действовало не менее «40 или даже 50» вольных школ [11, с. 102]. Как правило, крестьяне не требовали с нанимавшегося в учителя ссыльного рекомендации или ходатайства. Достаточно было прийти в деревню, объявить в первой же избе о своем намерении учительствовать, как через несколько дней сельчане давали положительный ответ. По сведениям Е. Бабакиной, в Орленге, да и не только, «учителя оплачивались по пастушечьей системе — 1 рубль с ученика в месяц и подворная кормежка по очереди у родителей ученика». При этом программы или «плана» занятий никто не спрашивал. Родители учеников просили: «Учи всему, что сама знаешь» [2, с. 65].

Тяжелое материальное положение большинства ссыльных способствовало созданию общественных столовых, таких как, например, в Киренске. Прежде всего, она играла сугубо экономическую роль, объединяя неимущих ссыльных и помогая им в борьбе с голодом. Каждый ссыльный вносил в ее кассу 1 % своего месячного заработка, неработающие освобождались от взносов. Столовая держала профессионального повара и специальных работников. При ней была открыта пекарня и магазин с достаточно низкими ценами. Местные полицейские чины «закрывали глаза» на существование столовой, прекрасно понимая, что измученные нуждой люди — фактор социальной опасности в регионе. «Каждый бывший киренчанин, — писал С. Корочкин в 1927 г., — с удовольствием вспомнит свою столовку в небольшом флигельке, приютившемся во дворе сзади высокого домища какого-то киренского домовладельца» [4, с. 164].

Самое большое количество ссыльных в годы войны, как, впрочем, и ранее, было сосредоточено в Иркутске. По подсчетам исследователей, в 1914–1917 гг. в городе насчитывалось не менее 562 ссыльных различной партийной принадлежности, больше, чем в каком-либо другом городе Сибири [12, с. 384]. При этом надо сразу оговориться, что это далеко не конечная цифра: здесь не учтены закончившие срок гласного надзора и уже приписавшиеся к другому сословию (например, «крестьяне из ссыльных»), а также так называемые «временно проживающие в городе» из близких к Иркутску уездов и волостей. Достаточно было такому ссыльному обратиться к местному врачу или фельдшеру, как тот безотказно выписывал направление в город на несколько недель, а нередко и месяцев. Затем это направление продлевалось и продлевалось, ссыльный снимал квартиру или комнату и практически легально жил в городе.

Так, например, в 1915–1916 гг. распоряжением генерал-губернатора и губернатора в Иркутске под разными предлогами, связанными, в основном, с «лечением», сопровождением «больного» и «семейными обстоятельствами», временно проживали хорошо известные охранному отделению и не раз замеченные в агитации среди местных рабочих и служащих: И. Х. Лалаянц (Бирюльская волость) с января по июль 1915 г.; Е. А. Бабушкин (Киренский уезд) с апреля по июнь 1915 г.; П. П. Постышев (Яндинская волость) с февраля 1915 г. по февраль 1916 г.; Я. Д. Янсон (Бирюльская волость) с октября 1915 г. по февраль 1916 г.; А. Р. Гоц (Зиминская волость) с 13 февраля по 12 мая 1916 г.; И. Г. Церетели (Балаганский уезд Малышевской волости) с 1 мая по 26 октября 1916 г. и многие другие. С большой долей уверенности можно утверждать, что удельный вес «временно проживающих» в Иркутске политических ссыльных превышал едва ли не на треть численность всей «официальной» колонии¹.

Думается также, что М. М. Бирман, оставивший свои воспоминания об Иркутске времен империалистической войны, был весьма близок к истине, утверждая, что в городе в это время находилось около 1 тыс. политических ссыльных различной партийной принадлежности [3]. Тысяча или «около» — цифра для 75-тысячного Иркутска, на первый взгляд, незначительная, составляющая чуть более 1 %. Однако именно отсюда черпали местные оппозиционные силы своих сторонников — активных участников и руководителей политических организаций и объединений, типографских «техников», авторов листовок и воззваний, пропагандистов, организаторов кружков рабочей и учащейся молодежи, инициаторов стачек и экономических протестов. Прошедшие богатую школу классовой борьбы в Европейской России политические ссыльные стоя-

¹ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 913. Л. 95, 108, 608, 623. В этом деле 456 прошитых и пронумерованных листов с разрешениями ссыльным временно проживать в Иркутске за период с 3 января по 23 декабря 1916 г., при этом 1 лист — 1 ссыльный.

ли во главе всех нелегальных формирований Иркутска этого периода, служили своеобразным катализатором любого политического недовольства.

Иркутск привлекал прежде всего ссыльную интеллигенцию, чей труд пользовался здесь широким спросом в многочисленных снабженческо-сбытовых предприятиях, кооперативах, учебных заведениях, редакциях газет, просветительских обществах. Политссыльный выгодно отличался от служащего-сибиряка — он был образован, развит, честен и трезв, да и «стоил» значительно меньше коренного иркутянина.

С настроением ссыльной колонии вынуждены были считаться и местные власти. Вот лишь один характерный пример. В середине апреля 1916 г. в Иркутске был созван съезд городов Восточной Сибири. В его работе должны были принять самое непосредственное участие и политссыльные. Когда же стало известно, что генерал-губернатор А. И. Пильц запретил «политикам» участвовать в съезде, то первое же начавшееся заседание было незамедлительно прервано, к начальнику края отправлена возмущенная и воинственно настроенная депутация, которая, вернувшись через два часа, объявила о победе — к работе съезда были допущены все записавшиеся ссыльные, окончившие свои формальные сроки и приписавшиеся к крестьянскому и мещанскому сословию [14, с. 213–214].

Война буквально «всколыхнула» всю колонию, вызвала всплеск политической активности даже у давно отошедших от активной «работы» ссыльных. «Невольные гости Сибири» имели постоянные связи с эмигрантскими центрами, обществами Красного Креста и всевозможными союзами помощи за рубежом, а потому хорошо и своевременно были информированы о Штутгартском (1907) и Базельском (1912) конгрессах партий II Интернационала, на которых приняли решения объединить усилия и бороться против возможной мировой войны, а если она начнется, использовать общее недовольство для подготовки всемирной социальной революции.

Однако с началом глобального военного конфликта большинство европейских партий встали на позиции безоговорочной поддержки своих правительств, призывали на время военных действий отказаться от активной социалистической пропаганды. Разногласия мнений наблюдалась и в России — здесь по вопросам войны также не было и не могло быть единства. Так, П. А. Кропоткин занял оборонческие позиции: «При данных условиях, — писал теоретик анархизма, — всякий, кто чувствует в себе силы что-нибудь делать и кому дорого то, что было лучшего в европейской цивилизации, и то, за что боролся рабочий Интернационал, может делать только одно, — помогать Европе раздавить врага самых дорогих нам заветов: немецкий милитаризм и немецкий империализм» [5, с. 5]. Ярым оборонцем и сторонником войны до победного конца стал Г. В. Плеханов. С началом военных действий Георгий Валентинович опубликовал брошюру «О войне», где вся ответственность за ее развязывание возлагалась на Австро-Венгрию и Германию. С другой стороны, В. И. Ленин, как известно, издал в августе 1915 г. в Женеве статью «Социализм и война», в которой выдвинул лозунг поражения своего правительства и бескомпромиссно потребовал превращения империалистской войны в гражданскую.

Не получилось выработать единой позиции в отношении к войне и у ссыльных Иркутской губернии. Этот вопрос имел здесь особую остроту. Из предмета сугубо теоретического, дискуссионного, он моментально превращался в стратегический на ближайшую и отдаленную перспективу — желавшие победы «своему» правительству незамедлительно должны были отказаться от революционной борьбы, а выступавшие за поражение России — без промедления развернуть подпольную работу.

С началом военных действий ссылка быстро разделилась на оборонцев, пораженцев, интернационалистов, немало было и центристов, еще больше неопределившихся. Состояние ссылки хорошо передано помощником начальника Иркутского губернского жандармского управления в Балаганском, Нижнеудинском и Верхотенском уездах Иркутской губернии в докладе начальству за октябрь 1915 г.: «Ссылнопоселенцы в своих мнениях как о войне, так и в вопросах общественного движения разделились, причем одни желают призыва их на войну, другие ждут амнистии, а третьи относятся отрицательно как к войне, так и ко всякого рода действиям правительства»¹.

Отношение к войне было главной темой дискуссий и среди политических каторжан. По словам П. Н. Фабричного, отбывавшего наказание в Александровском центре за убийство офицера, «война расколола политических на два лагеря: на сторонников, с одной стороны, победы союзников, так называемых патриотов, и с другой, победы центральных держав, пораженцев. Разумеется, что деление — грубое; была также очень небольшая группа заключенных, державшаяся нейтрально, но в общем именно таково было разделение большинства политических. Эта группировка, конечно, не была окостеневшей, некоторые из товарищей становились то «пораженцами», то «патриотами» — в зависимости... от политики, слагавшейся в России... Кого среди политических было больше — патриотов или пораженцев, я затрудняюсь сказать... Впрочем, в вопросе о войне произошла большая неразбериха: некоторые и левые оказались «патриотами» и, наоборот, правые — «пораженцами», партийные группировки тоже перепутались» [15, с. 70–71]. Вот как о своем восприятии войны писал большевик М. В. Фрунзе из Манзурки в январе 1915 г.: «Вы спрашиваете, каков мой личный взгляд на войну и отношение к ней социалистов? Принципиально я, конечно, против войны, но я не смогу сказать, что всегда и везде целиком стоял за осуществление этого принципа... Что же касается современной войны, то, по-моему, русским социалистам ни с каких точек зрения невозможно высказываться за активное участие в войне с нашей стороны. Это и принципиально недопустимо и практически бессмысленно. Вот вам мой взгляд. В общем, я смотрю на положение дел довольно оптимистически. Воинственный задор... схлынет, выплывут на сцену все старые больные вопросы нашей жизни, ибо война их только обострит, и снова закипит работа» [10, с. 274–275].

Трудности с выбором стратегии в отношении к войне усугублялись изменившимися после 1905 г. условиями ведения конспиративной «работы». Принятие Свода основных государственных законов в апреле 1906 г. коренным образом изменило условия деятельности всех оппозиционных сил: то, что раньше считалось под запретом и каралось, сейчас стало вполне легальным. Листовки и воззвания, тайно изготавливавшиеся в партийных типографиях, потеряли свою значимость — теперь о необходимости немедленных социально-политических перемен можно было совершенно открыто прочесть в легальных газетах. Соответственно, формы нелегальной деятельности партийных формирований, в том числе и ссыльных, значительно сокращались, а из этого следовала необходимость скорейшей перестройки всей работы, усиления своего присутствия в культурно-просветительских и профессиональных образованиях рабочих и служащих. Эти изменения касались прежде всего леворадикальных партий, однако не все партийцы поняли их необходимость и неизбежность.

Вопросы об отношении к империалистической войне дебатировались в течение 1914–1916 гг., однако в конечном итоге ленинское требование поражения своего правительства поддержала меньшая часть иркутских ссыльных.

¹ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 891. Л. 50.

Большинство «политиков» заняли интернационалистскую позицию, заключавшуюся в неприятии войны как империалистической, а значит, захватнической, в борьбе за скорейший мир без аннексий и контрибуций.

В годы мировой войны в Иркутской губернии в ссылке находились представители всех политических партий, однако больше всего здесь было социал-демократов (не менее 284 чел.) [12]. Составляя большинство колонии города, эсдеки боролись в первую очередь за влияние на пролетарские слои. Обладая рабочими специальностями и проживая среди горняков, шахтеров, типографчиков и строителей, пользуясь у них вполне заслуженным авторитетом, ссыльные имели все условия для влияния на самые широкие пролетарские слои. «Подход наш к массе, — писал впоследствии ссыльный эсер В. Кухарченко, — был особенно удобен в том отношении, что для работы не нужно было слишком конспириваться: ссылка непосредственно вливалась в массу, политики стояли за одним станком, вместе с шахтерами ломали уголь, сидели в конторах» [6, с. 165]. Среди ссыльных социал-демократов Иркутска и губернии было немало «видных» впоследствии государственных и партийных деятелей. Назовем лишь некоторых: В. А. Анисимов, С. П. Вайнштейн, В. А. Ватин, В. С. Войтинский, С. В. Косиор, М. Я. Лацис, В. М. Молотов, Н. Ф. Насимович (Чужак), Е. А. Преображенский, Н. А. Рожков, Н. Н. Ромм, В. В. Рябиков, П. П. Постышев, И. А. Теодорович, Д. А. Трилиссер, И. С. Уншлихт, Я. Б. Шумяцкий М. И. Фрумкин, М. В. Фрунзе, И. Г. Церетели.

Наличие в Иркутской губернии значительного контингента ссыльных социал-демократов, имевших опыт революционных выступлений в Европейской России, стало одним из факторов быстрого подъема оппозиционного движения, причем как легального, так и нелегального. Уже в октябре 1914 г. в Иркутске по инициативе ссыльных партийная организация принимает устав, согласно которому главным требованием к члену партии становится его активное участие в делах коллектива, а в декабре избирается комитет в составе ссыльных С. Ф. Васильченко, В. С. Войтинского, М. П. Жакова, Я. О. Кревина и Д. П. Трофимова [9, с. 176].

Ни одно партийное формирование Иркутской губернии в интересующий нас период не испытывало столь сильного влияния ссыльных как возникший в декабре 1914 г. Союз сибирских рабочих. Сама идея создания Союза сибирских рабочих принадлежала политическим ссыльным во главе с С. Ф. Васильченко и М. П. Жаковым. Состав Союза практически полностью укомплектовали поднадзорными революционерами: здесь были большевики, меньшевики-интернационалисты, эсеры, беспартийные. Цель организации выражалась в статье «Неотложная задача» журнала «Товарищ пролетарий» № 1: «Объединение отдельных партийных организаций и объединение всего пролетариата — такова неотложная задача для всех социал-демократов»¹.

Союз сибирских рабочих пытался стать чисто пролетарским объединением, противопоставив себя «околопартийной» ссыльной интеллигенции города. По всей видимости, в нем было и немало от махаевщины — сам И. К. Махайский был связан с Иркутском самым непосредственным образом: поселившись здесь после Вилюйской ссылки в 1902 г., он вместе с В. Д. Гурари-Бучульской пытался распространять идеи своего «Умственного работника», призывал не доверять интеллигенции, объединяться корпоративно, но быстро был выдворен из города [7, с. 82]. За семь месяцев своей деятельности (ликвидирован в ночь на 20 июля 1915 г.) Союз сумел значительно расширить сеть пролетарских ячеек, установил контакты с рабочими Черемхово и фабрики Перевалова в Хайте, при этом он сочетал нелегальную работу с легальной. Его члены имели связи в кооперативах, профсоюзах, просветительских обществах, среди

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 533. Оп. 1. Д. 796. Л. 14.

солдат Иркутского гарнизона, где они выступали против и оборонцев, и пораженцев, неуклонно проводя мысль о скорейшем окончании империалистической войны и подписании мира без аннексий и контрибуций.

После разгрома «Союза» в партийной работе в городе наступает временное затишье. Попытки организации нового центра предпринимают в это время лишь отдельные ссыльные социал-демократы. Так, Охранное отделение отмечало устройство в 1915 г. конспиративных рабочих сходов, на которых опять же ссыльные В. Е. Евдокимов, А. П. Станчинский, П. П. Старостин, Д. М. Трофимов, В. П. Файдыш помимо антивоенных тем обсуждали и вопросы возобновления партийной деятельности¹.

Список использованной литературы

1. Амброзович Л. Ссыльные грузчики на Лене / Л. Амброзович // Иркутская ссылка : сб. иркутского землячества / под ред. и с предисл. В. В. Бустрема. — М. : ВОПКиС, 1934. — С. 89–102.
2. Бабакина Е. Орленга / Е. Бабакина // Иркутская ссылка : сб. иркутского землячества / под ред. и с предисл. В. В. Бустрема. — М. : ВОПКиС, 1934. — С. 58–65.
3. Бирман М. В. В дни войны / М. В. Бирман // Кандальный звон. — 1925. — № 2. — С. 98–104.
4. Корочкин С. Ф. История одной столовки / С. Корочкин // Сибирская ссылка / под ред. Н. Ф. Чужака. — М. : ВОПКиС, 1927. — С. 156–164.
5. Кропоткин П. А. П. А. Кропоткин о войне / П. А. Кропоткин ; с послесл. В. Л. Бурцева. — М. : Тип. т-ва Рябушинских, 1916. — 29 с.
6. Кухарченко В. Черемховские копи / В. Кухарченко // Сибирская ссылка ; под ред. Н. Ф. Чужака. — М. : ВОПКиС, 1934. — С. 165–168.
7. Мещерский А. П. В. И. Ленин и политическая ссылка в Сибири (конец XIX в. — 1917 г.) / А. П. Мещерский, Н. Н. Щербаков. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973. — 173 с.
8. Нарымская ссылка (1906–1917 гг.) : сб. документов и материалов о ссыльных большевиках / под ред. И. М. Разгона. — Томск : Изд-во ТГУ, 1970. — 382 с.
9. Очерки по истории Иркутской организации КПСС. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. — Ч. 1. (1901–1920 гг.). — 382 с.
10. Письма политических ссыльных в Восточной Сибири (конец XVIII — начало XX в.) / отв. ред. С. Ф. Коваль. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1978. — 254 с.
11. Пономарев П. Мартиролог Иркутской ссылки / П. Пономарев // Иркутская ссылка : сб. иркут. землячества. — М. : ВОПКиС, 1934. — С. 263–291.
12. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. — Новосибирск : Наука, 1982. — 459 с.
13. Рекстин И. Из Александровского централа на волю / И. Рекстин // На волю! Падение самодержавия, освобождение из царских тюрем и каторги : сб. воспоминаний к 10-летию Февральской революции: 1917–1927. — Л. : Прибой, 1927. — С. 75.
14. Серебренников И. И. Претерпев судеб удары. Дневник. 1914–1918 гг. / ред.-сост. Г. С. Андреев, П. К. Конкин, П. А. Новиков ; коммент. П. А. Новикова. — Иркутск : Издатель Сапронов, 2008. — 592 с.
15. Фабричный П. Каторга о мировой войне / П. Фабричный // Каторга и ссылка. — 1927. — № 1. — С. 69.
16. Шиловский М. В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX — начала XX в. : учеб. пособие. — Новосибирск : Новосиб. ун-т, 1997. — Вып. 4 : Социал-демократы. — 127 с.
17. Штульман Р. О. О составе Иркутского землячества Общества бывших политкаторжан и ссылопоселенцев / Р. О. Штульман // Иркутская ссылка. — М. : ВОПКиС, 1934. — С. 251–256.
18. Щербаков Н. Н. Численность и состав политических ссыльных Сибири (1907–1917 гг.) / Н. Н. Щербаков // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.) : сб. / под ред. Н. Н. Щербакова. — Иркутск : РИО ИГУ, 1973. — Вып. 1. — С. 199–242.

¹ ГАРФ. Ф. ДП. ОО. 1916. Д. 5. Ч. 27. Лит. «Б». Л. 45–68.

References

1. Ambrozevich L. Exiled laders on the Lena River. In Bustrem V. V. (ed.) *Irkutskaya ssylka: sbornik irkutskogo zemlyachestva* [Irkutsk Exile: Collection of Irkutsk Community]. Moscow, VOPKiS Publ., 1934. Pp. 89–102 (in Russian).
2. Babakina E. Orlenga. In Bustrem V. V. (ed.) *Irkutskaya ssylka: sbornik irkutskogo zemlyachestva* [Irkutsk Exile: Collection of Irkutsk Community]. Moscow, VOPKiS Publ., 1934. Pp. 58–65 (in Russian).
3. Birman M. V. During the war days. *Kandalnyy zvon – The Chime of shackles*. 1925. № 2 (in Russian).
4. Korochkin S. F. A story about an eatery. In Chuzhak N. F. (ed.) *Sibirskaya ssylka* [Siberian Exile]. Moscow, VOPKiS Publ., 1927. Pp. 156–164 (in Russian).
5. Kropotkin P. A. P. A. *Kropotkin o voyne* [P. A. Kropotkin about war]. Moscow, Tip. t-va Ryabushinskikh Publ., 1916. 29 p.
6. Kukharchenko V. The Cheremkhovo Diggings. In Chuzhak N. F. (ed.) *Sibirskaya ssylka* [Siberian Exile]. Moscow, VOPKiS Publ., 1934. Pp. 165–168 (in Russian).
7. Meshherskiy A. P., Shherbakov N. N. V. *I. Lenin i politicheskaya ssylka v Sibiri (konets XIX v. — 1917 g.)* [V. I. Lenin and political exile in Siberia (late XIX — XX) Irkutsk, East-Siberian Book Publisher, 1973. 173 p.
8. Razgon I. M. (ed.) *Narymskaya ssylka (1906–1917 gg.)* [The Narym Exile (1906–1917)] Tomsk, Tomsk State University Publ., 1970. 382 p.
9. *Ocherki po istorii Irkutskoy organizatsii KPSS* [Essays on history of Irkutsk organization of the CPSU]. Irkutsk, East-Siberian Book Publisher, 1966. Pt. 1. 382 p.
10. Koval S. F. (ed.) *Pisma politicheskikh ssylnykh v Vostochnoy Sibiri (konets XVIII — nachalo XX v.)* [Letters of political exiled in East Siberia (late XVII — early XX centuries)]. Irkutsk, East-Siberian Book Publisher, 1978. 254 p.
11. Ponomarev P. Martyrology of Irkutsk Exile. In Bustrem V. V. (ed.) *Irkutskaya ssylka: sbornik irkutskogo zemlyachestva* [Irkutsk Exile: Collection of Irkutsk Community]. Moscow, VOPKiS Publ., 1934. Pp. 263–291 (in Russian).
12. *Rabochiy klass Sibiri v dooktyabrskiy period* [Working class of Siberia in pre-October period]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1982. 459 p.
13. Rekstin I. From the Aleksandrov Central Prison out to the Freedom. *Na volyu! Padenie samoderzhaviya, osvobozhdenie iz tsarskikh tyurem i katorgi* [Out to the Freedom!: Downfall of the autocracy, release from tsarist prisons and exiles]. Leningrad, Priboy Publ., 1927. Pp. 75.
14. Serebrennikov I. I. *Preterpev sudeb udary. Dnevnik. 1914–1918 gg.* [Having suffered strokes of misfortunes. Diary. 1914–1918. Irkutsk, Sapronov Publ., 2008. 592 p.
15. Fabrichnyy P. Hard laborers about the world war. *Katorga i ssylka – Hard Labor and Exile*, 1927, no. 1, pp. 69 (in Russian).
16. Shilovskiy M. V. *Obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie v Sibiri vtoroy poloviny XIX — nachala XX v.* [Socio-political movement in Siberia from mid-XIX — early XX centuries]. Novosibirsk University Publ., 1997. Iss. 4. 127 p.
17. Shtulman R. O. On composition of the Irkutsk community of Former Political Convicts and Deportees Society. In Bustrem V. V. (ed.) *Irkutskaya ssylka: sbornik irkutskogo zemlyachestva* [Irkutsk Exile: Collection of Irkutsk Community]. Moscow, VOPKiS Publ., 1934. Pp. 251–256 (in Russian).
18. Shherbakov N. N. Number and composition of political exiled in Siberia (1907–1917). *Ssylnye revolyutsionery v Sibiri (XIX v. — fevral 1917 g.)* [Exiled revolutionists in Siberia (XIX — February 1917), Irkutsk State University Publ., 1973. Iss. 1. Pp. 199–242 (in Russian).

Информация об авторе

Иванов Александр Александрович — доктор исторических наук, профессор, Сибирская академия права, экономики и управления, 664025, г. Иркутск, ул. Сурикова, 21, e-mail: ottisk@irmail.ru.

Author

Aleksandr A. Ivanov — Dr. habil. (History), Professor, Siberian Academy of Law, Economics and Management, 21 Surikov Str., 664025, Irkutsk, Russia, e-mail: ottisk@irmail.ru.